

УДК 343
ББК 67.7
Т14

The Secret Barrister
The Secret Barrister: Stories of the Law and How It's Broken

© The Secret Barrister, 2018
This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd.
and The Van Lear Agency LLC

В коллаже на обложке использованы фотографии:
SpeedKingz, OoddySmile Studio, Yeshe-la / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Т14 **Тайный адвокат. Ложные приговоры, неожиданные оправдания и другие игры в справедливость ; [перевод с английского И. Чорного].** — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. — (Призвание. Книги о тех, кто нашел свое дело в жизни).

ISBN 978-5-04-098622-4

Правосудие часто кажется нам закрытым миром, связанным с повседневной жизнью, отдельными новостными репортажами и вымышленными сюжетами телепрограмм. Тайный адвокат хочет приоткрыть эту завесу, показать как оно работает и, как это часто бывает, не работает.

Здесь приведены правдивые истории из зала суда. Иногда они смешные, часто захватывающие, порой шокирующие. От преступников до адвокатов, а также жертв, свидетелей и стражей правопорядка — здесь вы встретите лучших и худших представителей человечества.

Тайный адвокат рассказывает о личных проблемах, с которыми сталкивается человек, чья профессиональная жизнь связана с судами, камерами полицейских участков и тюрьмами.

УДК 343
ББК 67.7

© Иван Чорный, перевод на русский язык,
2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-098622-4

*Посвящается третьему поросенку,
который, как ни прискорбно признавать,
всегда прав. Твоей любви, силе
и непрекращающемуся вдохновению:
как всегда, этого достаточно.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ	8
1. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЗАЛ УГОЛОВНОГО СУДА	27
2. КАК НА ДИКОМ ЗАПАДЕ: МАГИСТРАТСКИЙ СУД	59
3. ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ НЕВИНОВНЫХ: ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОД ЗАЛОГ	101
4. КОГДА ВИНОВНЫЙ ОСТАЕТСЯ БЕЗНАКАЗАННЫМ: УГОЛОВНОЕ ОБВИНЕНИЕ ПО ДЕШЕВКЕ	126
5. БОЛЬШАЯ ДЬЯВОЛЬСКАЯ УЛОВКА: ПОСТАВИМ ЖЕРТВУ НА ПЕРВОЕ МЕСТО	152
6. БЕЗЗАЩИТНЫЕ ЗАЩИТНИКИ	186
7. МИФЫ О СУБСИДИРУЕМОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И «НАЛОГ НА НАИВНОСТЬ»	222
8. СУД НАД СУДОМ: ЧАСТЬ ПЕРВАЯ — ДОВОДЫ «ПРОТИВ» ...	251
9. СУД НАД СУДОМ: ЧАСТЬ ВТОРАЯ — ДОВОДЫ «ЗА»	281
10. ПРИГОВОР — ОБМАН ПО-КРУПНОМУ	316
11. АПЕЛЛЯЦИЯ: НИКАКИХ КОМПРОМИССОВ	348
12. МОЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ	363
ПРИМЕЧАНИЯ	388
БЛАГОДАРНОСТИ	413

МОЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

— Значит, на этом и строится ваша защита, мистер Таттл?

Тишина. Метнув взгляд на свою девушку, он снова встречается глазами со мной — мельком, но этого уже достаточно. Остается только надеяться, что присяжные тоже это увидели. Слегка повернув голову, я пересекаюсь взглядом с женщиной в дальнем конце первого ряда. Она заметила и скрестила на груди руки. Заметили и другие: дедок в темно-синем пиджаке и бежевых брюках подталкивает локтем своего соседа слева с невероятной бородой, и они обмениваются заговорщицкими ухмылками.

Подобная мимика не сулит мистеру Таттлу ничего хорошего.

Он впивается пальцами в свидетельскую трибуну, как будто пытаюсь «нащупать» нужный ответ, хотя его попросту не существует. Он вспыхивает, начинает шаркать ногами, поглядывая с тоской на скамью подсудимых и словно сожалея о решении дать показания в свою защиту. Другого выбора, разумеется, у него не было. Шансы на успешную защиту в суде стремятся к нулю, когда отказываешься подробно рассказать под присягой, с какой стати ты решил хорошенько отметелить своего соседа. Было очевидно, что мистер Таттл, будь у него возможность повернуть время вспять, воспользовался бы своим правом хранить молчание.

Со скрипом справа от меня открываются двойные двери. В обнимку с планшетом для бумаги заходит судебный пристав, а за ним — стадо студентов-юристов, которых тихо рассаживают на скамейки для публики. Единственное, что радует адвоката больше зрителей, — это еще больше зрителей, которых можно впечатлить. Так что я жду, пока они протиснутся на узкие дубовые скамейки в дальнем правом углу. Пауза затягивается — мистер Таттл все никак не сообразит, что ответить на мой отчасти риторический вопрос, и напряжение нарастает. Я смакую этот момент. Спокойно наполняю свой пластиковый стакан водой из кувшина и беззаботно делаю глоток.

Тем временем замечаю, как взгляды всех присутствующих моментально переключаются на студента, который, зайдя последним, умудрился стукнуть своей сумкой девушку мистера Таттла, пробираясь мимо нее к последнему свободному месту на заднем ряду.

Громким шепотом она начинает поносить его отборным матом, в то время как студент пытается протиснуться. Секретарь суда, вплоть до этого момента строчивший за своим компьютером, поднимает голову и пристально на них смотрит.

— Что? Он ударил меня по лицу! Да он мне глаз мог к чертям выбить.

— Тссс! — шипит секретарь и машет рукой судебному приставу, который быстрой походкой покорно направляется к скамьям для публики, чтобы еще раз, совершенно без надобности, хорошенько шикнуть.

**ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО РАДУЕТ АДВОКАТА
БОЛЬШЕ ЗРИТЕЛЕЙ, — ЭТО ЕЩЕ БОЛЬШЕ ЗРИТЕЛЕЙ.**

Я смотрю на сидящего позади секретаря судью, ожидая, что она вынесет предупреждение за подобный шум, однако Ее честь судья Керриган все так же сидит, откинувшись на спинку, в своем кресле, задумчиво разглядывая потолок. Случайному наблюдателю могло бы ошибочно показаться, будто ей наскучила заурядная манера выскочки-барристера¹ двадцати с небольшим лет, воплотившего в себе совершенно не святую троицу Джереми — Паксмана, Кларксона и Кайла, — которые надменно рисовались своим интеллектуальным превосходством над растерянным мистером Таттлом. Поведение Ее чести на протяжении двадцати шести вымученных минут опроса могло еще больше убедить того же наблюдателя — опять-таки ошибочно — в подтверждение произведенного на нее впечатления: она то и дело закрывала глаза и опускала голову, после чего, тихонько хмыкнув, снова выпрямляла спину.

¹ Категория адвокатов в Великобритании и странах Содружества, которые ведут дела. Барристеры — адвокаты более высокого ранга, чем солиситоры.

Но я-то в этом понимаю куда больше. Досточтимый судья, совершенно очевидно, была крайне впечатлена моими ораторскими способностями и мысленно наверняка уже придумывала, что напишет в рекомендательном письме, которое отправит руководителю коллегии адвокатов сразу же по завершении слушания. *«В адвокатуре, — наверняка напишет она, — появился новый чемпион. Нас всех ждет золотой век правосудия».*

Наконец все расселись и умолкли, и я смог спокойно продолжить свой поединок. Мистер Таттл снова бросает взгляд на свою девушку в поисках поддержки.

— Публика не поможет вам с ответом, мистер Таттл, — с вызывающей улыбкой заявляю я. — Вопрос проще простого. Вы искренне просите присяжных поверить вашим показаниям?

Это совершенно неуместный вопрос. При перекрестном допросе вопросы должны быть строго нацелены на установление фактов и не давать адвокату повод вставлять свои комментарии. Лишь в своей заключительной речи мы вольны указать, насколько абсурдной является позиция противоположной стороны. Кроме того, мистер Таттл явно хотел, чтобы присяжные поверили его словам, иначе он бы попросту их не произносил. Но я был на коне — это мой первый суд присяжных, и пока еще никто не предпринял попытки меня остановить. Так что я ждал ответа мистера Таттла.

Еще разок скользнув глазами в сторону скамеек для публики, он кивает головой.

— Да, — от былой несговорчивости уже давно не осталось и следа.

— Какой у вас рост, мистер Таттл?

— Не знаю.

— Но вы согласитесь, что явно больше, чем метр восемьдесят?

— Наверное.

— А сколько вы весите?

На самом деле совершенно не важно, сколько именно он весит. Размером мистер Таттл, по самым скромным прикидкам, с большегруз, и как нельзя кстати надетая на нем обтягивающая футболка с короткими рукавами чудесным

образом выставляет на всеобщее обозрение каждый квадратный дюйм его татуированных накачанных бицепсов. Все мои вопросы призваны лишь еще больше это подчеркнуть.

Он бормочет какие-то прикидки, а я тем временем резко одергиваю свою мантию. Нарочито нахмурившись, я поворачиваюсь к скамье присяжных и смотрю в сторону женщины со скрещенными на груди руками. Наши взгляды встречаются, и у нее приподнимаются брови. Она прекрасно понимает, к чему я клоню.

— И, значит, — говорю я, смотря прямо на присяжных, чтобы максимально подчеркнуть свое явное недоверие к его словам, — вы хотите убедить этих присяжных, что слепой мужчина на костылях ударил вас первым?

**АДВОКАТЫ ТОЛЬКО В СВОЕЙ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ
МОГУТ УКАЗАТЬ, НАСКОЛЬКО АБСУРДНА ПОЗИЦИЯ
ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ СТОРОНЫ.**

Последние три слова я произношу, снова повернувшись к нему, как можно медленнее, чтобы звучало как можно драматичнее. Хорошо различимый смешок, раздавшийся слева от меня, говорит о том, что песенка мистера Таттла спета.

Будь это боксерский поединок, его бы уже вытаскивал с ринга тренер, чтобы не дать ему еще больше покалечиться. Никакой, даже самый изощренный, ход не мог улучшить его положение. Но мистер Таттл не сдавался.

— Все было не совсем так, как вы говорите.

Прекрасно. Я услышал сдавленный смешок помощника адвоката уголовного суда, сидящего в переднем ряду прямо передо мной. Моя речь, аккуратно написанная в лежащей передо мной на пюпитре голубой адвокатской тетради, должна была закончиться на этом месте. Теперь же мистер Таттл, всячески пытавшийся скормить присяжным свою крайне неправдоподобную историю, выкрутится. Хуже лжеца может быть только лжец, лгущий о том, что он лжец. Что ж, я совсем не против выступить на бис.

— Все было не так, как я говорю?

— Неа.

— Хорошо. Нам известно, что мистер Мартин слепой, так ведь?

— Да.

— И вы не станете спорить, что он был на костылях?

— Не стану.

— И вы утверждаете, будто он ударил вас первым?

— Ага.

— Хорошо. Давайте попробуем еще раз. Вы говорите, что слепой человек на костылях ударил вас первым, не так ли?

— Эмм... ага.

— Хорошо.

Я выдерживаю паузу, чтобы решить, как изящнее закончить свое выступление, как вдруг слышу со стороны адвокатской скамьи, расположенной прямо перед судьей, звук судорожного царапанья ручкой по бумаге. Адвокат защиты мистер Раллингс — мрачный старикан с более чем сорокалетним стажем, — яростно накорябав что-то на обрывке бумаги, передает его мне. Мистер Раллингс, сидевший с невозмутимой хмурой гримасой, в то время как его подзащитный беззаботно выдергивал чеки из гранат и засовывал их себе в штаны, расшевелился.

**ХУЖЕ ЛЖЕЦА МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ЛЖЕЦ,
ЛГУЩИЙ О ТОМ, ЧТО ОН ЛЖЕЦ.**

Я принимаю переданную им записку. Она меня не на шутку обескуражила. С какой стати передавать ее прямо посреди допроса? Неужели я сделал что-то не так? Может, он хочет сказать, что я своими словами нарушил какую-то жизненно важную норму доказательного права или судебный этикет? Мои щеки вспыхивают краской — начинается паника. В уголовном суде присяжных я девственник — нет, даже младенец, зигота. Какой смертный грех я совершил? Я все испортил. Должно быть. Бог его знает как, однако самодовольное выражение морщинистого лица Раллингса сказало мне все. Мысль о собственной гениальности так вскрыла мне голову, что я все прошляпил. Я подлетел слишком близко к солнцу на крыльях моей слепой уверенности в собственных скудных спо-

снобствах. Я зарубил на корню свою карьеру в уголовном суде присяжных, проиграв беспроектное дело, а на этом скромном листке формата А5 написана моя эпитафия.

Разворачивая записку, я стараюсь не подавать виду. Что бы там ни было, мысленно убеждаю я себя, что все будет в порядке. Уголовный кодекс поможет мне выпутаться из любой юридической проблемы. Если же меня все-таки лишат звания барристера, то дома меня ждут теплые утешающие объятия моего четвероногого друга. Все будет путем.

Собравшись с духом, я глянул, что же такого важного мне хотел сказать Раллингс.

На листке обнаружился весьма недурной рисунок человечка в парике, хныкающего себе в руки. У него была небольшая козлиная бородка, прямо как у Раллингса. Свое творение Раллингс снабдил следующей надписью: ДА ЭТО ЖЕ ЛЕГКОТНЯ.

Он мрачно кивает, отклоняется назад и смотрит на присяжных. Раллингс понимает, что проиграл, поэтому поворачивается ко мне так, чтобы присяжные не видели, как его глаз подмигивает.

* * *

Это, дамы и господа, британская система уголовного правосудия в действии. Я не берусь утверждать, что данный пример является особенно ярким, однако он дает весьма наглядное представление о том, как улаживаются спорные вопросы уголовного права. Оно наверняка во многом соответствует тому образу, который сразу же всплывает у нас в голове, когда мы задумываемся о правосудии. Не важно, сталкивались ли мы с этим на собственном опыте или почерпнули все свои знания из поп-культуры, в нашем понимании система уголовного правосудия по своему принципу является чем-то совершенно естественным и правильным. Подобно тому, как мы машинально извиняемся перед случайно толкнувшим нас человеком или же избегаем зрительного контакта с людьми в лифте, данное представление прочно укоренилось в нашем менталитете.

Для одних из нас — если можно судить по моим, не имеющим никакого отношения к юриспруденции друзьям — этот созданный образ британского уголовного правосудия пред-

ставляет собой нечто среднее между мерзкой «Судьей Джуди» (телепрограмма по типу «Час суда») и *той самой* сценой из «несколько хороших парней». Другие больше полагаются на мотивы британских «Судьи Рампола» (сериал восьмидесятых про уголовные дела), «Кавана» (сериал про адвоката), либо, боже упаси, All Rise for Julian Clary¹ (1). Как бы то ни было, все мы, пожалуй, сойдемся в том, что лежит в основе данного образа: схватка государства и обвиняемого под управлением адвокатов, которая разыгрывается на глазах беспристрастной коллегии экспертов. Неотъемлемыми элементами являются зал суда, судья, присяжные, обвиняемый, адвокаты, свидетели, множество вопросов и длинные речи. А еще целая куча париков.

В НАШЕМ ПОНИМАНИИ СИСТЕМА УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ ПО СВОЕМУ ПРИНЦИПУ ЯВЛЯЕТСЯ ЧЕМ-ТО СОВЕРШЕННО ЕСТЕСТВЕННЫМ И ПРАВИЛЬНЫМ.

На этом, впрочем, для большинства людей представление об уголовном правосудии, пожалуй, и заканчивается. Думаю, мало кто из нас — если вообще кто-то — хоть раз удосужился бросить критический взгляд на нашу систему уголовного права, задуматься, как и почему мы пришли именно к такому способу вершить правосудие, либо поразмышлять о том, какое влияние она оказывает на жизни сотен тысяч людей — обвиняемых, свидетелей и потерпевших, — которые проходят через эту систему ежегодно. Большинство из нас охотно формулируют и высказывают свое мнение о том, как управляется и финансируется система здравоохранения, либо о достоинствах и недостатках различных типов школ, однако относительно системы правосудия мы всецело полагаемся на существующую модель, что кажется мне весьма странным, так как уголовное правосудие затрагивает жизни каждого из нас.

История не знает ни одного человеческого общества, в котором бы не существовало правил поведения его членов и

¹ Британское развлекательное шоу, транслировавшееся на BBC2 с 27 сентября 1996 года по 22 декабря 1997 года, центральным персонажем которого был судья Джулиан Клари и вымышленные дела.

наказаний за их нарушение. Оказывается, согласование социальных норм и запретов является проявлением инстинктивного поведения среди сотрудничающих между собой приматов (2), а упоминание о систематизированном уголовном законодательстве можно отследить вплоть до времен Месопотамии, бронзового века и знаменитых Законов Ур-Намму, датированных 2050 годом до нашей эры. Сами правила с тех пор значительно варьировались в зависимости от эпохи и уголка мира, однако всегда неизменно существовал механизм осуществления уголовного правосудия. Совершив преступление, человек нарушает закон, и его поступок не только затрагивает потерпевших, но и бьет по общественным ценностям с такой силой, что мы все сходимся во мнении о необходимости организованных, принудительных действий с целью наказания за содеянное. Уголовные преступления считаются самыми серьезными нарушениями наших социальных норм, которые, в отличие от гражданских проступков, таких как невыполнение контрактных обязательств, государство не может позволить людям решать самостоятельно.

Уголовное право устанавливает границы нашей человечности, определяя запретные зоны и наделяя государство уникальным правом наказывать, сдерживать, защищать и перевоспитывать. Если позволять преступлениям происходить безнаказанно либо привлекать за них невиновных, то страдают не только те, кого ситуация затрагивает напрямую. Когда подобное случается, на наших улицах становится опаснее, наши ценности подрываются и наша собственная свобода оказывается под угрозой. Основопологающее условие социального контракта заключается в том, что правила должны справедливо применяться по отношению ко всем, а нарушение данного условия задевает врожденное чувство справедливости.

УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СЧИТАЮТСЯ САМЫМИ СЕРЬЕЗНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ.

Причем все это не просто теоретически. Пускай мы и не хотим об этом думать, большинству из нас в один прекрасный день предстоит напрямую ощутить на себе все прелести уго-

ловного права. В тот или иной момент вашей жизни вы или кто-то из ваших близких непременно окажетесь в зале суда, будь то на скамейке присяжных, в качестве потерпевшего или свидетеля, либо на скамье подсудимых, крича через оргстекло о своей невиновности, откуда конвоиры, грубо схватив за руки, поведут вас в камеру.

Мне легко понять, почему люди представляют себе уголовное правосудие как нечто абстрактное. Пока не столкнешься с этой системой напрямую, особо не задумываешься о непостижимых механизмах ее работы. Первый прямой контакт все меняет. Сразу становится понятно, что уголовное право представляет собой на практике — не какие-то там абстрактные понятия из учебников, а самую квинтэссенцию человеческой природы: кровь, слезы, злость, страдания, расплату и отчаяние. «Осуществление правосудия» меняет человеческие судьбы раз и навсегда. Судебные разбирательства и вынесенный в результате приговор способны сломать человеку жизнь. Семьи разрушаются, детей отнимают у родителей, людей запирают в неволе на десятки лет. Ошибочный вердикт может заточить — как в переносном, так и в самом буквальном смысле — в тюрьму. Хотя наше государство больше и не имеет права убивать человека по результатам уголовного процесса, выбранное наказание по-прежнему в конечном счете может стать вопросом жизни и смерти.

СУДЕБНЫЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА И ВЫНЕСЕННЫЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИГОВОР СПОСОБНЫ СЛОМАТЬ ЧЕЛОВЕКУ ЖИЗНЬ.

Более того, вплоть до этого самого первого соприкосновения с системой можно несколько не сомневаться в том, что, подобно всем остальным таинственным фундаментальным составляющим нашего общества, таким как разведка, уборка мусора или составление библиотечных каталогов, в случае необходимости эта система, допускающая, как и любая другая предоставляемая государством услуга, определенную вероятность ошибки, в целом работает так, как надо, и конечный результат будет правильным. Именно из-за этой беспечной уверенности, которую прекрасно можно понять, большинство

людей, с которыми мне доводилось сталкиваться по работе, так сильно и шокирует их первое погружение в систему реального правосудия — они осознают, что в корне не согласны с тем, как именно наше общество вершит судьбы и расставляет приоритеты, а также что, оказавшись за дверями зала суда, уже сложно что-либо изменить.

Будучи человеком, увидевшим изнанку уголовного суда, я каждый день испытываю ужас от того, как недостаток понимания общественностью нашей таинственной и даже мутной системы позволяет проводить над преступлениями «обряды», которые слабо напоминают то, что мы называем правосудием. Что обвиняемых, потерпевших и в конечном счете общество день изо дня подводит укоренившееся пренебрежение фундаментальными принципами справедливости. Что от системы уголовного права мы постепенно переходим просто к «уголовной системе».

Представления скольких людей, побывавших в КПЗ с пожелтевшими стенами или обшарпанных помещениях для допросов, о том, что «справедливо» и что «правильно», были полностью раздавлены столкновением с системой уголовного права?

Именно об этом мне и хотелось бы поговорить: объяснить, почему уголовное право играет такую важную роль, а также показать, что мы понимаем его совсем неправильно.

* * *

Для начала позвольте немного рассказать о себе. Я барристер по уголовным делам. Ничем особо не примечательный. Про дела, которые я веду, вы вряд ли услышите в новостях. Я обычный, специализирующийся на всякой мелочи младший адвокат, который однажды, возможно, будет представлять ваши интересы в суде, если вам вдвойне не повезет — то есть если вы окажетесь обвиненным в каком-нибудь рядовом уголовном преступлении и одновременно не будете иметь возможность нанять себе кого-то получше.

Я «младший» барристер в том же самом плане, в котором эта приставка применяется к нашим врачам¹. Она не столько

¹ В Англии все врачи после получения диплома и до получения звания консультанта называются младшими — среди них много тридцати- и сорокалетних, так как путь до консультанта очень долгий.

указывает на юный возраст, сколько применяется ко всем барристерам, начиная от стажеров (или «практикантов», как их зовут на юридическом жаргоне) и заканчивая боевыми орлами с проседью в волосах, которым пока еще не посчастливилось получить звание королевского адвоката (подобной чести удостоиваются самые выдающиеся в наших рядах).

Хочется, однако, надеяться, что наши пути все-таки никогда не пересекутся. Если же это случится, то могу сказать наверняка, что, как и в случае с могильщиком или медсестрой в КВД (кожно-венерологический диспансер), размахивающей перед вами ватной палочкой, произойдет это в один из худших моментов вашей жизни. Наш брат кормится человеческими невзгодами, а уголовное право — мерзкий недоразвитый двоюродный брат других, куда более утонченных и цивилизованных направлений права.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО — МЕРЗКИЙ НЕДОРАЗВИТЫЙ
ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ ДРУГИХ, КУДА БОЛЕЕ
УТОНЧЕННЫХ И ЦИВИЛИЗОВАННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
ПРАВА.**

Роль, отводимая барристерам в этих страданиях, как я понял, мало кто толком понимает. Вина за это лежит главным образом на нас самих. Для профессиональных адвокатов мы невероятно паршиво объясняем род своих занятий. Если вкратце, то барристер уголовного права в первую очередь является адвокатом, ведущим различные уголовные дела в суде — как правило, в суде присяжных, — представляя при этом интересы защиты или обвинения. На практике же для этой работы также требуются навыки соцработника, семейного психотерапевта, манипулятора, переговорщика, личного водителя, спонсора проезда на общественном транспорте, бухгалтера, няньки для склонных к самоубийству, поставщика кофе, запасного папы с мамой в одном лице, а также, как это однажды случилось, человека, вынужденного сообщить заключенному о том, что у его подружки нашли гонорею, — даже не знаю, можно ли как-то назвать подобную «должность».

Моя повседневная работа разносторонняя и хаотичная. Чаще всего я выступаю в качестве обвинителя или защитника на суде присяжных, однако порой бывают дни, напичканные другими, более быстрыми слушаниями: отказ в предоставлении залога для подозреваемого в поджоге — тут; попытка еще больше смягчить приговор на заключительных слушаниях по делу торговца героином — там. Я то веду свои собственные дела, то замещаю коллег, застрявших где-то еще.

Каждую секунду каждого дня я имею дело с непредсказуемой, иррациональной, настоящей на адреналине суматохой, в которой единственной определенностью является полная неопределенность. Слушания и судебные разбирательства наслаиваются по времени друг на друга, неожиданно откладываются либо объявляются из ниоткуда в самый неподходящий момент, из-за чего попросту невозможно наверняка сказать, чем именно и где ты будешь заниматься через четыре часа. Кости ноют, кожа на туфлях стирается за пару месяцев, а плечо невыносимо устает и болит от того, что постоянно таскаешь на нем набитый бумагами, книгами, а также париком и мантией портфель между разными залами суда, а также из одного города в другой. **Ты привыкаешь к забрызганной кровью подноготной жизни других людей;** тебя несколько не трогает обыденность очередного «рядового» ножевого ранения; у тебя не вызывает никаких эмоций бесконечная череда сексуального насилия. Ты в лучшем случае член семьи на полставки или ненадежный товарищ, который должен забывать про выходные, свадьбы и похороны по первому требованию судьи. Если я не задерживаюсь на работе, то прихожу домой в восемь вечера, а если задерживаюсь — то на следующее утро. Добавьте ко всему еще и «преимущества» самостоятельной занятости — вечное отсутствие какого-либо намека на стабильность, страх остаться без работы, отсутствие оплачиваемых больничных, отпускных или пенсии, тот факт, что работа государственным адвокатом в пересчете на потраченные часы может оплачиваться в итоге ниже минимальной заработной платы, — и становится понятно, почему уголовная адвокатура во многих смыслах ассоциируется с невыносимым существованием. И вместе с тем в ней есть нечто чрезвычайно особенное.

В эпоху, когда присяжные практически исчезли с гражданских процессов, уголовное право осталось последним оплотом истинных адвокатских традиций, в соответствии с которыми сила убеждения и рациональной аргументации, чья значимость подчеркивается нашей исторической помпезностью — особой манерой говорить, роскошью залов суда, нелепыми поношенными париками эпохи Реставрации из конского волоса, — является тем самым инструментом, который дарует человеку свободу либо лишает ее. Очевидно, чем подобные спектакли могут привлечь эгоцентриста с ненасытным желанием быть в центре внимания, — а подобное описание применимо практически ко всему адвокатскому сословию, — однако для меня, а также для большинства известных мне барристеров уголовного права причина пойти по данному пути была куда более возвышенной и всеобъемлющей: в уголовном праве ставки наиболее высоки.

**ЕСЛИ Я НЕ ЗАДЕРЖИВАЮСЬ НА РАБОТЕ, ТО ПРИХОЖУ
ДОМОЙ В ВОСЕМЬ ВЕЧЕРА, А ЕСЛИ ЗАДЕРЖИВАЮСЬ —
ТО НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ.**

Если проиграть дело по гражданскому или финансовому процессу, то в худшем случае человек теряет кучу денег либо лишается возможности их получить. Если проиграть дело по семейному праву, то может лишиться детей. В случае, если дело касается земельного права, можно потерять дом. Все это весьма значительные события, способные кардинально изменить жизнь каждого человека. А вот если проиграть уголовное дело, то вплоть до 1956 года можно было расстаться с жизнью. Хотя мы и оставили в прошлом традицию санкционированного телесного насилия, расчленения и убийства, мы заменили ее лишением человека свободы — наказанием, которое способно с лихвой компенсировать все вышеперечисленные, а то и вовсе их превзойти. Лишение свободы и возможности жить с близкими, выполнять свою работу, обеспечивать свою семью; упразднение какого-либо стремления к счастью, временное прекращение существования человека на период, определяемый государством, не озабо-

ченными последствиями этого для вас или ваших родных, — это та цена, величина которой понятна лишь тем, кому довелось ее заплатить.

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ — ЭТО ВРЕМЕННОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ТА ЦЕНА, ВЕЛИЧИНА КОТОРОЙ ПОНЯТНА ЛИШЬ ТЕМ, КОМУ ДОВЕЛОСЬ ЕЕ ЗАПЛАТИТЬ.

И мы, ломовые лошади уголовного права, таскающие парики с мантиями из одного зала суда в другой по всей стране, часами напролет копаемся в самых ужасных человеческих историях, и все из-за горячей — а кто-то бы, наверное, сказал «наивной» — веры в правопорядок и в нашу роль в его поддержании. Когда преступнику удастся избежать правосудия, страдает от этого не только потерпевший. Опасность, возникающая в случае оставшегося безнаказанным пагубного поступка, представляет серьезнейшую угрозу личной свободе каждого из нас. Если будет слишком много несправедливо осужденных либо слишком мало преступников будут получать по заслугам, то хрупкий социальный контракт, связывающий нас всех между собой и с государством, может рассыпаться в пух и прах. Проще говоря, если достаточно большое количество людей считает, что государство неспособно осуществлять правосудие, то они могут начать вершить его самостоятельно.

Именно по этим причинам я искренне и без какого-либо преувеличения полагаю, что работа в области уголовного права, а также наша роль в обвинении и защите подозреваемых в совершении уголовных преступлений являются незаменимыми для поддержания мирного демократического общества. Когда люди чувствуют, что им отказывают в правосудии, они начинают по-настоящему возмущаться и приходиться в ярость. Именно в трещинах правосудия берут свои корни все антидемократические и антиправительственные настроения.

Вот почему я считаю свою повседневную работу не просто привилегией, а гражданской ответственностью. И по той же самой причине текущее состояние нашей системы уголовного права должно приводить нас всех в ужас.

Поэтому, несмотря на все благородные принципы, лежащие в основе системы, несмотря на ее международное признание, на ее интеллектуальное мастерство, а также на всю ту кровь, пот и слезы, пролитые в процессе ее совершенствования, те несколько лет, что я провел лицом к лицу с ее мрачными реалиями, позволили мне понять, что наша система уголовного правосудия находится на грани коллапса.

**УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА ЕЖЕДНЕВНО РАССЫПАЮТСЯ
ИЗ-ЗА ОШИБОК ПОЛИЦИИ И ПРОКУРОРСКОЙ СЛУЖБЫ.
ОБВИНЯЕМЫЕ И ПОТЕРПЕВШИЕ ГОДАМИ ЖДУТ НАЧАЛА
СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ.**

Доступность правосудия, главенство закона, беспристрастное отношение к подсудимым, требуемая потерпевшими справедливость — все эти возвышенные символы, которыми мы так сильно дорожим, — день изо дня вырезаются из дерева, вкатываются в залы суда присяжных и мирового суда и ритуально сжигаются.

Тяжелые уголовные дела ежедневно рассыпаются из-за совершенно обыденных ошибок, совершаемых полицией и прокурорской службой, которым вечно недостает ни финансирования, ни персонала. Обвиняемые и потерпевшие годами ждут начала судебных разбирательств. Им во второй, третий, четвертый раз говорят, что их дела «откладываются из-за перегруженности судов», и это несмотря на новенькие залы суда, построенные за большие государственные деньги, которые пустуют из-за порезанного судебного бюджета. Ошибочно обвиненным приходится ждать дня суда — а это может затянуться на целую вечность, — чтобы государство обнародовало доказательства, сводящие на нет доводы обвинения. Интересы подзащитных то и дело представляют измученные адвокаты, способные выделить на их дело лишь часть необходимого времени, ведь из-за сокращения государственного финансирования они должны брать горы всяких мелких дел. Часть обвиняемых и вовсе лишаются права на государственного адвоката и бывают вынуждены опустошать свои банковские счета либо брать ссуды, чтобы оплатить взносы

на «бесплатную» юридическую помощь либо услуги частных адвокатов. Если им это не удастся, то они представляют свои интересы в суде самостоятельно, что обычно заканчивается тюремным сроком. Как результат, потерпевшим отказывают в справедливости, а невинные попадают за решетку.

Больше всего меня изумляет то, что большинству людей, казалось бы, на это наплевать. Ну, или же они просто не в курсе.

На следующий день после опубликованного в мае 2016 года (3) парламентского отчета, который начинался с этих самых семи осуждающих слов — *«система уголовного правосудия находится на грани коллапса»*, — ни одна газета в стране не посчитала его более важной новостью, чем бесконечные страшилки про мигрантов, либо же, как это было в одном случае, «скандала» на телешоу «Британия ищет таланты».

Когда парламентарий Карл Тернер вынес на рассмотрение в Парламент проблему недостатка финансирования уголовного суда Великобритании в январе 2017 года, на его выступлении, где он подробно рассказывал о стенающих работниках уголовного суда и разваливающимися судебными процессами — вещами, с которыми мы в суде сталкиваемся ежедневно, — присутствовала жалкая кучка членов Парламента, а почти все СМИ так и вовсе полностью данное событие проигнорировали (4). Когда суды поддержали инициативу государства лишить необоснованно обвиненных людей компенсации судебных издержек (5), не было никаких возмущений и протестов. Лишь полнейшая тишина.

Если бы речь шла не об уголовном суде, а о НСЗ¹, то данная новость не сходилась бы с передовиц газет.

Я просто не могу смириться со всеобщим безразличием к происходящему, так как очевидно, что большинству из нас на это совсем не наплевать. Нам это известно по всем тем написанным от руки многословным письмам в редакции газет, выражающим возмущение по поводу полученного педофилом условного срока, отказом полиции проводить расследование

¹ Национальная система здравоохранения Великобритании, переживающая на данный момент не лучшие времена, проблемы которой широко обсуждаются общественностью, правительством и СМИ.

по серьезным обвинениям в сексуальном насилии либо же, что еще хуже, по поводу угодившего за решетку невиновного. Мы можем судить по поп-культуре — по различным сериалам про судебные ошибки, по «Создавая убийцу», по независимым организациям, защищающим несправедливо осужденных, — что идеалы правосудия, а в частности, уголовного правосудия, пожалуй, как ничто другое способны нас всех объединить. Вместе с тем что-то где-то явно пошло не так, как надо.

Думаю, корни проблемы можно отыскать в несостоятельности государства, а также нашей неспособности, как работающих в этой системе профессионалов, должным образом объяснить широкой общественности, как все устроено, почему все устроено именно так, а также почему это хорошо или плохо, что именно привело к катастрофическому диссонансу в восприятии происходящего общественностью. Обыватели — каждый из которых в любой момент может быть вызван в качестве присяжного — видят лишь мизерную часть всей системы. Гораздо больше происходит за кулисами, в обстановке удобной анонимности, о многом в зале суда умалчивается, и люди, которым мы служим, об этом даже не догадываются.

Вот почему я решил написать данную книгу. Мне хочется пролить свет на то, что происходит на самом деле. Провести вас в помещения, в которые вы никогда бы в жизни не попали. А в первую очередь объяснить, почему нам следует проявлять к происходящему интерес, а также показать, что случается, когда мы этого не делаем.

Безусловно, я не из тех барристеров, которым обычно поступает предложение написать книгу. Я не могу похвастаться обилием громких дел в своей трудовой биографии. И не претендую на какие-то особые экспертные знания или опыт в своей области. Я не профессор. Я не правовед, философ, историк или ученый. Я настолько же чужд привилегированным высшим эшелонам правовой системы, насколько они чужды мне. Вместе с тем большую часть последних десяти лет я провел, защищая, обвиняя и консультируя своих сограждан. Мне хотелось бы написать эту книгу, пока вся эта извращенная игра мне все еще более-менее в новинку, прежде чем мое шаткое равновесие между идеализмом и цинизмом окончательно не пошатнется. **Я пишу ее анонимно, так как**

это дает мне свободу быть абсолютно искренним, рассказывать о своем собственном опыте, а также об опыте своих коллег, делиться с вами историями из своей практики о правосудии и несправедливости, с которыми людям приходится день изо дня сталкиваться в судах по всей стране.

Структура книги приблизительно повторяет жизненный цикл уголовного дела: начиная с первого появления перед мировым судьей, продолжая разбирательствами в суде присяжных и заканчивая вынесением приговора и подачей апелляции. На каждом этапе в ней подробно объясняются механизмы работы правосудия, а также, что более важно, слишком уж часто случающиеся сбои в них.

Кроме того, я приложу все усилия, чтобы максимально подробно ответить на возникающие по ходу повествования вопросы, в частности — на распространенные озабоченные вопросы общественности, на которые нам всем, работающим в этой системе, следовало бы научиться отвечать получше. С какой стати законопослушный налогоплательщик должен спонсировать государственную защиту преступнику-рецидивисту? Как можно защищать человека, который, как тебе достоверно известно, изнасиловал собственное дитя? Приносит ли наша система состязательного правосудия, в которой государство ведет изматывающую войну с подсудимым, чтобы лишить его всего, больше вреда, чем пользы? Является ли вынесение приговора преступникам лишь грандиозным обманом общественности? Ну и, конечно же, вопрос, который больше всего беспокоит лично меня: как мы, столь сильно ценящие систему уголовного права, допустили, чтобы она деградировала до столь печального состояния?

МНЕ ХОЧЕТСЯ ПРОЛИТЬ СВЕТ НА ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ НА САМОМ ДЕЛЕ. ПРОВЕСТИ ВАС В ПОМЕЩЕНИЯ, В КОТОРЫЕ ВЫ НИКОГДА БЫ В ЖИЗНИ НЕ ПОПАЛИ.

Некоторые детали описанных мной дел были изменены с целью сохранения конфиденциальности участников, однако суть каждого — некомпетентность, ошибки и умышленные махинации — является чистой правдой. В приведенных

мною примерах нет ничего особо примечательного. Подобные истории не попадают на страницы газет и в сюжеты новостей. Они не из тех ошибок правосудия, что порождают бурю негодования в «Твиттере», разоблачительные статьи в журналах или вдохновляют на создание документальных фильмов. Это совершенно банальные истории о несправедливости, царящей в уголовных судах, мимолетные, из раза в раз повторяющиеся случаи унижения человеческого достоинства, регулярно встречающиеся на пути трудяги-адвоката по уголовным делам.

Знать досконально все, разумеется, мне не под силу, да и роль во всем происходящем я играю лишь второстепенную, однако я все равно надеюсь, что это не лишает мои откровения их ценности.

Работающая система уголовного правосудия с должным финансированием и укомплектованностью преданными своему делу профессионалами, каждый из которых выполняет незаменимые гражданские обязанности по защите и обвинению, служит для защиты невиновных, защиты ответственности, а также защиты целостности, достоинства и человечности нашего общества. Это должно быть социальной нормой, а не непозволительной роскошью.

Большинство из вас, читающих эти строки, наверняка рассчитывают никогда в жизни не оказаться в зале уголовного суда — рассчитывают никогда не услышать стук полицейских в свою дверь, никогда не стать жертвой преступления, а также никогда не быть обвиненным в преступлении, которого они не совершали. Вместе с тем система уголовного правосудия, как я это понял за годы работы в ней, не признает различий ни перед кем. Любой может оказаться в нее «впутан». И если подобное случится с вами — будете ли вы давать в суде показания против человека, причинившего вред вашему ребенку, или же божиться перед присяжными, что тот пешеход выскочил перед вашей машиной, даже не посмотрев в вашу сторону, — вы наверняка захотите, чтобы эта система сработала так, как надо.

Когда же она дает сбой, это нередко приводит к самым немислимым последствиям.